

© 2020

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой Ульяновского государственного университета
(e-mail: kapkansv@mail.ru)

АНТИЦИКЛИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: СОДЕРЖАНИЕ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье раскрываются содержание, цели и инструменты государственной антициклической политики, достоинства и недостатки фискальной и монетарной экспансии (рестрикции), проводится сравнительный анализ результативности стабилизационных мер правительства и центрального банка на различных фазах делового цикла. Рассматривая в качестве главных проблем, препятствующих достижению целей дискреционной экономической политики, ошибки прогнозирования, временные лаги и оппортунистическое поведение политических лидеров, автор выделяет альтернативные подходы к решению этих проблем со стороны ведущих научных школ.

Ключевые слова: стабилизационная фискальная и монетарная политика; экспансия, рестрикция; ошибки прогнозирования; временные лаги; оппортунизм; дискреционная и автоматическая политика.

DOI: 10.31857/S020736760011344-7

Катастрофические как для глобальной, так и для отечественной экономики события 2020 г., триггером которых стало распространение пандемии коронавируса фактически по всей планете, диктуют острую необходимость опережающего запуска российским государством всего комплекса инструментов антициклического регулирования. Обеспечивая разумное сглаживание циклических колебаний экономической конъюнктуры в краткосрочном периоде, эти апробированные мировым опытом инструменты серьезно сокращают волатильность ведущих макропоказателей, что позитивно влияет и на долгосрочную хозяйственную динамику. «Поэтому страны, которым удастся перейти от проциклической бюджетной политики к контрциклической, — подчеркивают Е. Гурвич и И. Соколов, — существенно повышают потенциал экономического роста» [9. С. 7].

Экономисты, в отличие от врачей, принципиально не признают неизлечимых болезней, аргументированно допуская возможность своевременной нейтрализации как угрозы вынужденной безработицы в условиях кризиса, так и опасности неконтролируемого роста общего уровня цен в обстановке хозяйственного подъема. При решении стабилизационных задач современное государство всецело полагается на доходную и расходную части бюджетной системы, которыми распоряжается правительство, а также на денежное предложение, так или иначе контролируемое центральным банком. Задействуя эти

ведущие ресурсы государственного регулирования, финансовые и монетарные власти обретают способность предугадывать конкретные параметры восходящей или, напротив, нисходящей социально-экономической динамики в обозримой перспективе. «Предсказанный кризис, — отмечают Л. Григорьев и А. Иващенко, — должен быть либо заранее предотвращен, либо сдвинут во времени и трансформирован по форме, что обычно и происходит. С этой точки зрения мерой качества теории цикла применительно к антициклической политике должно быть количество не произошедших кризисов» [8. С. 38]. Результативность антициклической политики, дополним, детерминирована и темпами не случившейся в обществе инфляции, которая в противном случае неотвратимо оказала бы крайне негативное воздействие на экономический рост.

Противодействие закономерным протекающим флуктуациям конъюнктуры обеспечивается посредством последовательной смены стимулирующей (экспансионистской) государственной экономической политики политикой сдерживающей (рестриктивной) и наоборот. Если первую, имеющую отчетливую антикризисную направленность, целесообразно задействовать на фазах кризиса и депрессии, то вторая, имеющая нацеленность антиинфляционную, получает теоретическое оправдание на последующих фазах оживления и подъема.

В рамках бюджетно-налоговой экспансии правительство реализует комбинацию стимулирующих мер по облегчению налогового пресса на домохозяйства и фирмы, всемерно поощряющего их расходы, и наращиванию централизованных расходов на инвестиции, госзакупки и социальные цели. Наряду с сокращением налоговых ставок фискальные власти активно расширяют программы налоговых льгот, развертывая целый спектр налоговых кредитов (особенно инвестиционных), налоговых каникул, запускает политику ускоренной амортизации. При этом широко используются практические рекомендации Дж. Кейнса, в свое время доказывавшего необходимость наращивания в антикризисных целях национальной покупательной способности путем бюджетной интервенции, финансируемой за счет займов, а вовсе не за счет дополнительного налогообложения. Бесспорным достоинством осуществления указанных бюджетно-налоговых мероприятий становится рост производства как в государственном, так и в частном секторе в сочетании со стремительным сокращением безработицы (достигшей в современной России рекордной за последние 8 лет отметки в 6,3% от экономически активного населения). Программа «вертолетных» денег, обоснованных Нобелевским лауреатом М. Фридменом еще в 1969 г., и выплачиваемых сегодня финансовыми властями США в объеме нескольких десятков миллиардов долларов в месяц (когда, например, безработные получают по 600 долл. в неделю), безусловно, заметно смягчает самый глубокий за последние 80 лет экономический спад в этой стране.

Безусловно, любая разновидность экономической политики не свободна от недостатков, однако грамотно подобранная совокупность инструментов ее

реализации позволяет свести их к разумному минимуму. Так, потенциальным дефектом стимулирующих фискальных мер вполне может стать увеличение циклического бюджетного дефицита, что, в свою очередь, способно привести к нарастанию государственного долга и даже к ускорению инфляции. Однако нейтрализация риска углубления экономического спада оказывается здесь намного важнее устранения инфляционного риска и риска усиления долговой нагрузки на экономику, которые становятся заметными обычно лишь в периоды, когда среднесрочные спады деловой активности совпадают с нисходящей траекторией долгосрочных кондратьевских волн. В случае же увеличения внешнего государственного долга преодоление экономического спада достигается фактически за счет нерезидентов, по сути, предоставляющих кредит национальной экономике. В. Рязанов резонно утверждал, что «можно не особо тревожиться по поводу роста долга в период кризиса, если он используется для стимулирования производственной активности» [21. С. 20].

Относительно крайне беспокоящей неоклассиков опасности инфляции нельзя не подчеркнуть, что при использовании фискальной экспансии полная ее предопределенность все же отсутствует. Конечно, каждый взбадривающий национальную экономику инструмент (включая японские, американские, швейцарские и др. «вертолетные» деньги) инфляционно небезупречен, однако высота порождаемой им ценовой волны может серьезно варьироваться в зависимости:

а) от поощрения финансовыми властями развития фондоемких или же, напротив, трудоемких отраслей и производств. В последнем случае куда более интенсивное разворачивание мультипликативного эффекта в условиях неполной занятости и, как результат, опережающий рост объема ВВП способны свести инфляционные последствия проводимых стимулирующих мер к разумному минимуму;

б) от направления преобладающей доли бюджетных средств и налоговых льгот в адрес олигархических (обслуживающих олигархат) групп или же социальных групп, располагающихся возле черты бедности. При втором варианте развития событий заниженный уровень склонности к сбережению, а также расширяющийся потребительский спрос более на отечественные, чем на импортные товары способны надежно парировать потенциальную опасность инфляционной дестабилизации рынка. Национальная экономика в обстановке кризиса располагает, как известно, на кейнсианском отрезке кривой совокупного предложения, где наращивание совокупного спроса влечет за собой практически неинфляционный рост объема ВВП. И даже если экономика страны, подвергаемая интенсивной антикризисной терапии, выходит на промежуточный отрезок, инфляция вполне может не ускорить свой бег, так как вслед за ростом совокупного спроса в обстановке неполной занятости может обозначиться вполне сопоставимый подъем совокупного предложения. К тому же поощрение совокупных расходов стимулирующими мерами фискальных

властей через повышение ВВП непременно вызовет расширение налогооблагаемой базы, что рано или поздно приведет в соответствие доходы государственного бюджета с его расходами и тем самым минимизирует инфляционную угрозу.

Следует учитывать, что результативность бюджетной экспансии обычно оказывается выше, чем экспансии налоговой. Мультипликативный эффект опережающего роста национального продукта от снижения налогов заметно ниже, чем от наращивания государственных расходов, поскольку в последнем случае все выделенные властями средства (а их с большей вероятностью получат бедняки, имеющие высокую склонность к потреблению) будут направлены на увеличение совокупных расходов. В первом же случае немалая часть сэкономленных от налогообложения средств способна оказаться использованной более состоятельными гражданами, а также представителями бизнес-сообщества на цели сбережения, а потому совокупный спрос станет нарастать существенно медленнее. С этой точки зрения можно понять сожаление Нобелевского лауреата П. Кругмана относительно того, что около 40% правительственной поддержки американской экономики в кризисном 2009 г. оказалась связанной не с увеличением расходов властей, а пошла под давлением республиканцев на сокращение налогового пресса для бизнеса. Такова традиционная позиция кейнсианцев, считающих, что расширяемый за счет дополнительных правительственных затрат госсектор сможет куда более успешно устранять такие проявления рыночного фиаско как кризис и безработица.

Конкретное соотношение, в котором средства общегосударственных финансов используются в кризисной ситуации в интересах потребителей и производителей, предопределяется, главным образом, глубиной спада производства. Чем глубже последний, тем ценнее поощрение потребительских расходов сравнительно с потенциальным наращиванием предложения дополнительной продукции, а потому более значимым становится восстановление пошатнувшейся покупательной способности домохозяйств. Безусловно, осуществляя финансовую поддержку тех или иных компаний (например, «КАМАЗа» или «Северстали»), российское правительство также укрепляет спрос, поскольку определенная часть получаемых ими субсидий вполне способна быть направленной на заработную плату занятых здесь работников. Однако на фондоемких предприятиях тяжелой промышленности доля оплаты труда в структуре издержек заведомо невелика. Значит, в состоянии рецессии эффективность антикризисного фискального регулирования закономерно нарастает по мере концентрации бюджетных ресурсов в тех производственных звеньях, которые отличает завышенная трудоемкость. А это предприятия, выпускающие не сырье, материалы и полуфабрикаты, а конечную продукцию, которые к тому же по причине куда более сильной межотраслевой сцепки с другими звеньями народнохозяйственного организма запускают в отечественную экономику мощный эффект мультипликатора.

Монетарная экспансия, обеспечивающая преодоление кризиса, осуществляется посредством неуклонного расширения предложения на денежном рынке. Известно, что в период Великой депрессии 1929–1933 гг. денежная масса увеличилась в США на 35%. За 2007–2014 гг. суммарный объем прироста доллара, евро, фунта стерлингов, иены и швейцарского франка достиг гигантской отметки в 5,2 трлн долл. [6. С. 127]. Новый этап «количественного смягчения» запущен ФРС в 2020 г. в качестве ее реакции на масштабный «коронакризис». Кардинальное удешевление денег (выразившееся в недавнем сохранении ставки ФРС в узком диапазоне 0–0,25%), запуская в обществе механизм инфляционных ожиданий, порождает в сочетании с понижением реальных процентных ставок за кредит заметное наращивание потребительского и инвестиционного спроса, которое нейтрализует действие парадокса бережливости. Некоторое ускорение инфляционных процессов позволяет финансовым властям несколько ослабить бремя внутреннего государственного долга. Снижение привлекательности вкладов в коммерческие банки параллельно с нарастанием спроса на акции и другие корпоративные ценные бумаги влечет за собой всплеск внутренних инвестиций в основной капитал. Этому же содействует разумное падение обменного курса национальной валюты, повышающее ценовую конкурентоспособность продукции, выпускаемой в стране, и способное при определенных условиях кардинально улучшить состояние ее торгового баланса.

Стимулирующие шаги монетарных властей, конечно же, тоже заключают в себе определенную опасность ускорения инфляционных процессов. Чрезмерно мягкая монетарная политика и удешевление кредита способны нанести ущерб национальной экономике и в связи с тем, что они «замедляют темпы посткризисного восстановления, обеспечивая поддержку неэффективных компаний и банков» [11. С. 133]. Однако и в этом случае из-за существования в стране ситуации неполной занятости риск сколько-нибудь заметного ценового скачка в результате увеличения денежной массы, находящейся в обращении, как и риск сохранения потенциальных банкротов, оказываются намного меньше риска дальнейшего погружения отечественной экономики в затяжную рецессию в случае отказа от ослабления денежных ограничений.

На фазе длительного инфляционного бума, когда совокупный спрос все дальше отрывается от совокупного предложения, фискальные власти проводят столь же жесткую ограничительную политику, сводящуюся к сочетанию завышенной налоговой нагрузки на экономических субъектов (выражающейся, например, в резком урезании налоговых льгот, повышении ставок налогообложения) с всемерной экономией бюджетных средств, выделяемых на развитие как экономики, так и социальной сферы. Рестриктивная бюджетно-налоговая политика вполне может сопровождаться последовательным переходом бюджетного дефицита в бюджетный профицит, который имеет самостоятельное значение в качестве одного из наиболее мощных антиинфляционных

факторов. Однако его положительное влияние на инфляцию находится в жесткой зависимости от ведущего направления использования Минфином изъятых у налогоплательщиков и не потраченных на них же финансовых ресурсов. Если таковым становится погашение внутреннего государственного долга через активный выкуп своих долговых обязательств (с передачей избыточных налоговых поступлений обратно на рынок), то нарастающая чрезмерными темпами покупательная способность в условиях полной занятости неотвратимо сметает эфемерную стабильность общего уровня цен. А вот в случае, если финансовые власти используют бюджетный профицит на выплату внешней задолженности государства или на пополнение своих суверенных фондов, в национальной экономике наступают довольно благоприятные перемены. Не сводимые только к сокращению риска дефолта или к расширению реального суверенитета страны, чей долг нерезидентам начинает сокращаться, позитивные результаты такой бюджетно-налоговой рестрикции выражаются еще и в том, что грядущий циклический спад и, соответственно, ожидаемый в будущем всплеск безработицы окажутся куда менее заметными.

Фискальная рестрикция, нацеленная на противодействие ценоповышательной динамике, заведомо не может быть абсолютно безболезненной. Помимо вполне реального расширения сегмента теневой экономики она влечет за собой серьезное замедление хозяйственной динамики и формирует тенденцию ухудшения ситуации на рынке труда. Однако на фазе подъема риск ускорения инфляции оказывается намного выше риска приближения к стагнации, а поэтому такими побочными следствиями бюджетно-налогового сдерживания вполне можно пренебречь. Впрочем, для минимизации хозяйственных потерь фискальным властям крайне важно обеспечивать оптимальную дозировку применяемых «лекарств», не допуская резкого перехода национальной экономики с классического на промежуточный отрезок кривой совокупного предложения: приостановка рестрикции должна состояться при приближении совокупного спроса к точке, разделяющей эти два отрезка.

Неотъемлемым звеном механизма противодействия монетарным факторам инфляции на фазе подъема является денежно-кредитная рестрикция. Ограничительные действия центрального банка по повышению ставки рефинансирования и резервной нормы для коммерческих банков, его активные операции на открытом рынке ценных бумаг и на валютном рынке по своевременной продаже соответствующих активов выступают крайне действенными инструментами последовательной дезинфляции. Однако во избежание реализации разрушительного сценария «жесткой посадки» национальной экономики в дозировке всех названных монетарных инструментов нужна предельная осмотрительность, связанная с постоянным мониторингом складывающейся на рынке труда ситуации с занятостью экономически активного населения.

Само принципиальное соотношение государственной бюджетно-налоговой политики и денежно-кредитной политики, проводимой в жизнь центральным банком (при острой необходимости координации их действий), при реализации комплекса дискреционных стабилизационных мер находится в определяющей зависимости от текущего состояния конъюнктурного цикла. В кризисный период, безусловно, большей результативностью отличается фискальная политика. Именно она как главное орудие кейнсианской модели государственного регулирования экономики «отвечает» за преодоление кризиса и безработицы. Антикризисные же действия монетарных властей часто сталкиваются с проблемой «можно подвести коня к воде, но нельзя заставить его напиться». Центральный банк через политику «дешевых» денег, конечно, может создать предпосылки для облегчения процесса кредитования коммерческими банками физических и юридических лиц. Но, как убедительно доказывает мировая практика хозяйствования, в кризисный период куда более ценными для них являются все же не дешевые кредиты (которые рано или поздно придется возвращать с процентами), а налоговые послабления и, особенно, безвозвратное бюджетное финансирование. Не случайно в период нынешнего «коронакризиса» основное внимание в мире уделяется именно «вертолетным» деньгам финансовых властей, а вовсе не инструментам монетарной экспансии — тем более в обстановке, когда для денежных рынков многих развитых стран типичной стала ситуация «ловушки ликвидности», а спасительные в подобной ситуации новые программы «количественного смягчения» стали приносить довольно слабый результат в плане антикризисного накачивания массового потребительского спроса. И хотя Банк России располагает куда большими резервами для дальнейшего смягчения своей политики, однако вовсе не она, а именно стимулирующие действия финансовых властей составляют «штурмовой отряд» нейтрализации кризисных факторов внешней и внутренней среды, с которыми в очередной раз ныне столкнулась отечественная экономика.

В период же инфляционного бума безусловный приоритет должен быть отдан денежно-кредитным инструментам как ведущему звену неоклассической модели регулирования национальной экономики. Куда больший эффект в такой ситуации гарантирует ограничительная политика «дорогих» денег сравнительно, скажем, с взвинчиванием налоговой нагрузки на домохозяйства и фирмы (зачастую переносимой компаниями, функционирующими в условиях несовершенной конкуренции, в цены реализуемых ими товаров и услуг). Впрочем, первенство монетарных властей в деле нейтрализации инфляционных процессов не должно трактоваться в качестве некоей аксиомы, хотя именно это и наблюдается в последние три десятилетия в деятельности Банка России, по сути, присвоившего себе функцию доминатора ценоповышательных процессов. Главенство центробанка было бы вполне оправданным здесь только в случае, если бы рост цен в нашей стране четко детерминировался

монетарными факторами инфляции спроса. Но если ценоповышательный процесс обусловлен сокращением совокупного предложения вследствие, например, ценового произвола со стороны крупных частных и государственных корпораций (что как раз и наблюдается в России в большинстве случаев), то ведущим звеном механизма противодействия разрушительным механизмам инфляции издержек должна быть признана деятельность Федеральной антимонопольной службы — с особым акцентом на такие ее инструменты, как жесткое регулирование цен и тарифов естественных монополий в комбинации с недопущением картельных сговоров всех других монополистов против интересов потребителей. Немаловажную роль в противодействии инфляции предложения могут сыграть при этом и фискальные ведомства через их решительный отказ от взвинчивания косвенных налогов (обыкновенно имеющих у нас мощный проинфляционный эффект), а также посредством щедрого субсидирования предприятий, относящихся к сектору конечных производств и выпускающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости.

Государственная стабилизационная политика в своем многолетнем развитии прошла немало этапов. До этого долгое время, функционируя в рамках неоклассической парадигмы, власти пассивно полагались на механизм рыночного саморегулирования, который якобы способен самостоятельно, прежде всего, через механизм гибких цен, заработных плат и процентных ставок выводить национальную экономику из кризисного состояния неполной занятости и искоренять инфляцию на фазе подъема. Однако, начиная с Великой депрессии, появившиеся тогда и неуклонно укреплявшие свои теоретические позиции кейнсианцы стали убедительно доказывать принципиальную неустранимость вынужденной безработицы, а также инфляции, отстаивая тем самым необходимость серьезного расширения инструментальной базы государственного регулирования цикличности, с которой, в конце концов, вынуждены были, так или иначе, согласиться и неоклассики. Еще за несколько лет до запуска курса Ф. Рузвельта Дж. Кейнсом были написаны работы, в которых прозвучал отказ от классической позиции пассивного примирения с экономическими «болезнями» и обосновывались способы преодоления грядущих циклических спадов, которые в дальнейшем составили фундамент его «Общей теории занятости, процента и денег». В конце 1933 г. было опубликовано письмо Дж. Кейнса американскому президенту с конкретными антикризисными предложениями и всемерным одобрением его многозвенного политического курса, при реализации которого в США были задействованы, в частности, следующие конкретные меры: отказ от либеральной догмы о необходимости безусловного балансирования доходов и расходов государственного бюджета в условиях низкой конъюнктуры; использование бюджетных средств для запуска масштабных общественных работ; повышение минимальной заработной платы для противодействия сжатию потребительского спроса; освобождение

от налогов бедняков для повышения коэффициента мультипликации и изменения соотношения между потреблением и сбережениями в пользу первого — с адекватным взвинчиванием налоговой нагрузки на состоятельную часть американского общества (так, в течение первого срока правления Ф. Рузвельта максимальная ставка подоходного налога поднялась с 24 до 63%, а в течение второго срока — даже до 79%); законодательное введение федеральной системы страхования банковских депозитов для обеспечения бесперебойной трансформации сбережений в инвестиции; искусственное завышение цен на сельскохозяйственную продукцию в целях минимизации масштабов банкротства фермерских хозяйств; разумное ослабление курса доллара в интересах стимулирования экспорта и противодействия конкурирующему товарному импорту в сочетании с увеличением таможенных пошлин на многочисленные ввозимые товары. Тот факт, что в 1937–1938 гг. США захлестнула вторая волна спада, обычно объясняется неоклассиками глубинными дефектами кейнсианской «экономики спроса». Хотя, справедливости ради, это следует скорее связывать с преждевременным урезанием государственных расходов в погоне за большей сбалансированностью федерального бюджета, которое впоследствии было признано Ф. Рузвельтом ошибочным. И этот урок истории целесообразно учитывать нынешнему российскому правительству — в плане недопущения скоропалительного сворачивания масштабных бюджетных трат при первых проявлениях экономического роста в посткоронавирусный период.

Нейтрализация последствий Великой рецессии 2008–2009 гг. в Германии достигалась, например, через правительственную поддержку автопрома путем премирования процесса утилизации старого (возрастом свыше 9 лет) автомобиля в размере 2,5 тыс. евро при покупке нового, а также посредством выдачи государственных гарантий под частные инвестиции в концерн «Опель». В структуре антикризисного пакета стран G20 в этот период государственные расходы занимали 77% (в том числе 32% составили правительственные инвестиции в инфраструктуру) и лишь остальные 23% были представлены действиями по сокращению налогов, чья результативность признавалась далеко не столь высокой. В Китае для противодействия угрозам торможения экономического роста была сокращена с 4–6% до 3% ставка налога на малый бизнес. Антикризисный эффект дополнялся здесь и бюджетной политикой, в рамках которой сельским жителям были выданы госзаказы и пособия в размере 10–13% от стоимости производимой ими продукции, крупным предприятиям (особенно функционирующим в текстильной промышленности и металлургии) возвращалась часть налоговых выплат, государство масштабно субсидировало жилищное строительство. Одним из спорных результатов антикризисной политики стало появление свыше 20 городов-призраков, крупнейшим среди которых является Ордос. Спроектированный на 1 млн жителей, он имеет музеи, театры, стадионы, гоночную трассу, разнообразные коммунальные службы,

но по сей день является чуть ли не безлюдным. Мечта многих российских чиновников — город без населения, которое им всячески мешает — оказалась реализованной в КНР. Впрочем, нельзя сказать, что теория мультипликативного эффекта Дж. Кейнса в данном случае получила эффективную практическую реализацию. Противодействуя глобальной рецессии, денежные власти большинства стран тоже взяли за основу экспансионистскую политику кейнсианского типа. Так, французские автопроизводители получили льготный кредит в объеме 6 млрд евро в ответ на их обязательства не останавливать свои заводы. Сходные по целевой направленности кредиты в 13,4 и 4,0 млрд долл. соответственно были предоставлены американским корпорациям «Дженерал Моторс» и «Крайслер», и они сыграли немаловажную роль в поддержании занятости.

Развернувшаяся в мире в последние десятилетия глобализация все более сокращает возможности национальных правительств выбирать тот или иной вариант изменения налогов, государственных расходов, курсов валют или процентных ставок, ведь их выход за некий «коридор свободы» способен спровоцировать масштабную утечку капитала (в том числе человеческого), удорожание отечественной продукции, безработицу и целый комплекс других проявлений дестабилизации. Жизнь сегодня требует все большей синхронизации стабилизационных мер и жестоко наказывает те страны, которые выходят из ранее подписанных межгосударственных соглашений. Так, асинхронность стабилизационных мер проявлялась до недавнего времени в том, что разворот курса американской ФРС на удорожание денег (после трех этапов «количественного смягчения») реализовывался в условиях, когда европейский центробанк продолжал свою стимулирующую монетарную политику. Негативными результатами подобного диссонанса в действиях монетарных властей вполне могли стать как торможение американской экономики из-за избыточно крепкого доллара, так и ускорение инфляционных процессов в Евросоюзе.

Однако при всех бесспорных успехах антициклического регулирования экономики за последние 85—90 лет, как на национальном, так и на глобальном уровнях, выразившихся в куда меньших колебаниях хозяйственной конъюнктуры, все же нельзя не подчеркнуть, что в процессе его осуществления правительство и центральный банк по сей день сталкиваются, как минимум, с тремя серьезнейшими проблемами.

Первая: проблема ошибок прогнозирования. Антициклическая политика дает эффект лишь в том случае, если государственные институты, ответственные за ее проведение, обладают достоверной информацией о нынешнем состоянии экономической конъюнктуры и тенденциях ее предстоящего изменения в обозримой перспективе. Однако сколько-нибудь точная идентификация складывающейся ситуации является довольно непростой научной проблемой. Во всяком случае, крайне сложно предсказать переломную точку хозяйственной динамики, когда, например, завершается фаза депрессии и наступает

оживление, или здоровый подъем конъюнктуры перерастает в инфляционный бум. Особую сложность для прогнозирования представляют так называемые «черные лебеди», т.е. редкие, неожиданные события, которые практически невозможно предсказать из-за непонимания прогнозистами глубинных закономерностей их возникновения, и «серые лебеди» — маловероятные события, тоже имеющие серьезные социально-экономические последствия. При наступлении подобных событий (яркими примерами которых являются террористическая атака на США в сентябре 2001 г., последствия банкротства банка Lehman Brothers в сентябре 2008 г., результаты стремительного распространения коронавируса с начала 2020 г.), имеющих более негативную, чем позитивную окраску, становится принципиально невозможно спрогнозировать дальнейшее развитие общемировой социально-экономической ситуации. И чем более тесными становятся внешнеэкономические связи государств, тем значимее в современном мире оказывается роль случайности и непредсказуемости.

Даже самый совершенный экономический барометр, сконструированный футурологами, не способен достаточно точно предсказать предстоящую макроэкономическую динамику. «Современные прогностические возможности экономической науки, — выражает излишний скепсис В. Бурлачков, — можно считать неудовлетворительными. Экономисты до сих пор не сумели разработать основы прогнозирования кризисных явлений и предвидеть кратко- и среднесрочные колебания хозяйственной конъюнктуры» [4. С. 136]. Причем, даже в случае принципиально верной идентификации ситуации и приемлемого предвидения перспектив ее дальнейшего развертывания крайне сложно установить, на сколько именно и в какие сроки нужно, например, сократить налоги или расширить денежное предложение в стране для достижения в ней потенциального объема ВВП, но не для его превышения, чреватого перегревом экономики. Существенным дефектом сценарного прогнозирования в России является тот отмеченный С. Глазьевым факт, что предлагаются «сценарии, различающиеся лишь прогнозируемым уровнем нефтяных цен и ограниченные рекомендуемым МВФ инструментарием. Тем самым неоправданно сужается набор альтернатив макроэкономической политике консервации депрессивного состояния российской экономики» [5. С. 6]. Символично, что правительственные доклады, замечают И. Букина и В. Маневич, «никогда не содержат анализа допущенных в прошлом ошибок или причин, по которым прогноз оказался несостоятельным» [3. С. 10]. Между тем в подобной ситуации масштабные нестыковки прогнозных и фактических значений макроэкономических индикаторов будут неизбежно воспроизводиться на новой основе.

Резкие перепады в динамике конъюнктурных циклов зачастую случаются настолько стремительно, что фискальные и монетарные власти просто не успевают включить уже ранее неоднократно апробированные на практике дискреционные стабилизационные механизмы. «Главная характеристика

2008 г., которая гарантирует ему особое место в мировой и российской экономической истории, — отмечает В. Мау, — быстрота развертывания экономического кризиса, скорость перехода от эйфории к ощущению обреченности» [17. С. 4]. «Мировой кризис 2008–2009 гг., — признают Л. Григорьев и А. Ивашенко, — не был спрогнозирован ни академическими макроэкономистами, ни правительственными консультантами, ни независимыми исследователями в целом, ни какими-либо моделями» [8. С. 37–38]. При этом замечено, что недостоверным прогнозам более подвержены развивающиеся и небольшие страны, чем крупные страны-лидеры глобальной экономики. Прогноз роста ВВП по развитым странам «Большой семерки» в среднем не расходился с реальными более чем на 0,77 п. п., в других развитых странах — на 1,14 п. п., в странах БРИКС — на 1,35 п. п., в развивающихся странах со средним уровнем дохода на душу населения — на 1,48 п. п. [14. С. 41]. Характерно, что в последнее десятилетие, как отмечает А. Пороховский, в средствах массовой информации «стали обвинять экономистов, включая экономическую элиту — лауреатов Нобелевской премии по экономике, в том, что они не способны дать реалистическую и верную картину состояния экономики, и больше того — пропагандируют даже искаженное о ней представление» [20. С. 65]. Во многом провальное состояние мировой экономической науки в плане ее неспособности предсказывать наступление мировых кризисов (когда применима крылатая фраза В. Черномырдина: «никогда не было, и вот опять!») связывается многими критиками с избыточным использованием математических методов, когда чем более сложными и «навороченными» становятся экономико-математические модели, тем лучше они якобы предсказывают будущее. В результате «для «типичного современного экономиста эконометрические оценки составляют высшую реальность и обладают статусом истины в последней инстанции» [13. С. 114]. Между тем представителей такого «эконометриковедения» ничуть не смущает факт серьезных расхождений между результатами подобных поверхностных количественных оценок, представленными различными исследователями. Известно, что, свободно владея современным ему математическим аппаратом, Дж. Кейнс не злоупотреблял его применением в экономических исследованиях. А вот нынешняя экономическая наука и по сей день продолжает плутать в этом причудливом лабиринте. «Мировой экономический кризис обнажил недостаточность широко распространенного количественного, инструментально-математического подхода к экономике в качестве основы прогнозирования ее развития» [20. С. 65]. Делая акцент в рамках некоего «клипового» подхода на функциональном анализе поверхностных взаимосвязей отдельных экономических явлений, отрывая модели от реальности, многие экономисты при выработке прогнозов даже не пытаются проникнуть в глубинные причинно-следственные, закономерные связи экономической системы, не задействуя должным образом принцип системности макроэкономического анализа.

В результате игнорирования диалектики общего и особенного они при выработке своих контрпродуктивных практических рекомендаций навязывают всем странам в целом сходные рецепты стабилизационной политики (например, в русле печально известного «вашингтонского консенсуса»), не учитывая их реальную существующую специфику.

Помимо всего прочего, следует учитывать, что социально-экономическое прогнозирование всегда имеет нерасторжимую связь с апологетикой, и она четко проявляется в ситуации, когда «наука выполняет социальный заказ на оправдание существующего порядка» [1. С. 58]. Неолиберальная экономикотеоретическая мысль, которая льется в российском общественном сознании «мощной многоводной рекой апологетики, наукообразно оправдывающей проводимую экономическую политику» [7. С. 36], склонна утаивать негативные статистические данные и всемерно возвеличивать единичные позитивные перемены, что приводит к искажению сути протекающих процессов. Одним из важнейших факторов господства апологетики в отечественной прогностике является сохраняющаяся зависимость (что выглядит довольно странно в обстановке нарастающих антироссийских санкций Запада) российского правительства и Центрального банка от Международного валютного фонда и Всемирного банка, которые и по сей день не только регулярно дают нашим фискальным и монетарным властям настойчивые рекомендации о целесообразных, с точки зрения «вашингтонского консенсуса», переменах в действующем механизме государственного регулирования (об отмене экспортных пошлин на вывозимые энергоносители в рамках «налогового маневра», повышении НДС, пенсионного возраста, настойчивой реализации «бюджетного правила» и т.п.), но и навязывают далекие от реальности наукообразные представления о функциональных взаимосвязях экономических показателей. И если сценарные прогнозы предстоящего развития отечественной экономики строятся на включаемых в экономико-математические модели упрощенных (а значит, ошибочных) неоклассических предпосылках о прямой связи денежной массы и общего уровня цен, процентной ставки и курса национальной валюты, масштабов урезания государственных расходов и темпов экономического роста и т.п., то помимо резкого сокращения возможностей проведения суверенной экономической политики российское государство лишает себя шансов на адекватное представление обозримого будущего национальной экономики.

Допустим, футурологи предоставили властям вероятностный прогноз о резком улучшении состояния российской экономики в 2022 г. Поскольку такая ситуация может сложиться лишь в случае заметного превышения совокупного спроса над совокупным предложением, а это чревато ускорением инфляционных процессов, постольку Банк России, скорее всего, решительно прервет нынешний цикл последовательного снижения своей ключевой ставки, которая, наоборот, станет неуклонно подниматься. Между тем по ряду

причин, имеющих как объективную (торможение роста глобальной экономики из-за новой волны распространения коронавируса, обострение гибридных конфликтов между США и КНР и др.), так и субъективную (преждевременное сокращение трансфертной поддержки населения, урезание субсидий отечественным предприятиям из-за исчерпания средств Фонда национального благосостояния и т.п.) природу, безусловный перевес вполне может оказаться на стороне факторов, тормозящих динамику российского ВВП. И, как результат прогностического просчета в самом принципиальном направлении предстоящей хозяйственной динамики преждевременно обозначившаяся в действиях монетарных властей политика «дорогих денег» неотвратимо повлечет за собой еще более глубокий спад национальной экономики, основную ответственность за наступление которого в таком случае придется возложить на не вполне компетентных футурологов. И, наоборот, если в динамике российского народнохозяйственного организма предсказывается, скажем, в 2021 г. продолжение рецессии, то неожиданно обозначившийся экономический рост (скорее всего опять-таки сугубо сырьевой и сопряженный, в частности, с новым соглашением о сокращении нефтедобычи в рамках ОПЕК+, наступлением суровой зимы или массовым банкротством сланцевых компаний в Северной Америке), подстегнутый в нашей стране экспансионистской политикой «дешевых денег», станет еще более инфляционно опасным, а значит, крайне недолговечным. И опять-таки формально полезная денежно-кредитная экспансия из-за стратегической ошибки в прогнозе неизбежно превратится в свою прямую противоположность, став решающим фактором усиления цикличности социально-экономической динамики.

На основании обширного негативного опыта подобных прогностических казусов представители неоклассической школы делают вывод, что макроэкономика объективно непредсказуема, а потому «точная настройка» на полную занятость и отсутствие инфляции посредством соответствующих дискреционных бюджетно-налоговых и денежно-кредитных рычагов принципиально невозможна. Так, отвечая на упреки в адрес экономической науки, поступившие от британской королевы в связи с неожиданностью наступления глобального кризиса 2008 г., Нобелевские лауреаты Р. Лукас и Т. Сарджент пояснили: кризис не был предсказан потому, что его невозможно предсказать. По сути, соглашаясь с ними, Г. Идрисов, В. Мау, А. Божечкова утверждают, что «ни один из произошедших кризисов достоверно предсказать не удалось, а то, что прогнозируется, как правило, не происходит» [12. С. 6]. И если фискальные и монетарные власти не склонны доверять футурологическим заключениям экономической науки и основанным на них мерам политики «точной настройки», своего рода «ручного управления» (которые сами по себе выступают причинами избыточных флуктуаций совокупного выпуска), то лучшая их позиция — пассивное бездействие со слепой надеждой на способность рыночных

механизмов саморегулирования самостоятельно, без вредного по определению вмешательства государства оперативно обеспечивать макроэкономическую стабилизацию.

Альтернативный кейнсианский взгляд на рассматриваемую проблему состоит в признании того обстоятельства, что прогнозы, действительно, далеко не всегда достаточно точны. Но лучше весьма далекий от достоверности прогноз, чем его полное отсутствие. Это, во-первых. А во-вторых, любая наука постепенно улучшается, и прогностика в этом отношении вовсе не является неким исключением. Поэтому необходимо, как отмечает В. Миронов, «упорядочить хаос» и как можно скорее дать участникам рынка представление о будущем» [19. С. 19]. Но, не допуская превращения макроэкономики из-за ее возможного интеллектуального регресса в псевдонауку — реальной угрозы, о которой предупреждал бывший главный экономист Всемирного банка Пол Ромер [1. С. 62], следует всемерно совершенствовать методологию выработки прогнозов. Во всяком случае, необходимо постоянно улучшать технологию сбора, систематизации и обработки колоссального объема экономической информации, которая обрушивается на субъектов государственного регулирования, а также создавать адекватные реально существующей экономической системе макромоделли. При этом важно избегать однобокой инерционности прогнозов в случае доминирования в них метода экстраполяции текущих тенденций в будущее, что в принципе неправомерно в обстановке циклически развивающейся рыночной экономики. Наряду с инерционным предвидением будущего следует использовать сценарное прогнозирование, обосновывающее альтернативные варианты действий властей на случай резких изменений тех или иных параметров социально-экономического развития [14. С. 46]. Важнейшим условием повышения достоверности прогнозных оценок и достижения большей адекватности соответствующего экономико-математического моделирования мы признаем кардинальное улучшение комплексных знаний о тех глубинных причинно-следственных связях (закономерностях), по которым протекают как развитие глобальной экономики, так и весьма специфическая эволюция российской ее разновидности.

«Качество прогнозов, — резонно подчеркивает В. Бондаренко, — зависит также от сегодняшнего уровня развития экономической теории» [2. С. 25]. Между тем в современной России этот уровень явно не выглядит достаточным, чему в решающей степени «благоприятствует» проведенная в последние десятилетия реформа советской системы образования, в ходе которой вместо формирования способностей и знаний для установления с их помощью причинно-следственных связей в общественной жизни школьников и студентов стали нацеливать преимущественно лишь на угадывание правильных ответов из нескольких предложенных их тестовых вариантов. И если и дальше будет проявляться упорное нежелание властей «признавать установленные наукой

и надежно верифицированные положения относительно важнейших причинно-следственных зависимостей современной экономики» [5. С. 4], то достоверность прогнозов обеспечить становится в принципе невозможно. Чрезмерное увлечение эконометрическими разработками, выявлением эмпирических связей между поверхностными экономическими явлениями в ущерб развертыванию теоретических исследований, нацеленных на выявление каузальных связей между ними, способно еще более дискредитировать экономическую теорию, подвергнуть сомнению ее принципиальную способность предвидеть грядущие перепады хозяйственной конъюнктуры. «Утверждение, что корреляция не обязательно является признаком причинно-следственной связи, — напоминает А. Либман, — является банальностью в современной литературе; корреляция двух переменных может быть вызвана третьей, ненаблюдаемой переменной» [15. С. 38].

Как говорится, призрак Госплана ходит по России, хотя и не того, советского директивного, долгие годы находившегося в эпицентре советской бюрократической координации. Чтобы представители власти с головой не увязли в колоссальных массивах статистических данных по сотням, если не тысячам индикаторов конъюнктуры и не столь часто задействовали на практике глубоко порочный метод проб и ошибок, необходимо создание многообразных институтов, способных нейтрализовать реальную угрозу ошибочных прогнозов и основанных на них индикативных планов соответствующими координирующими механизмами. Профессиональное использование подобных механизмов означает лучший способ предугадания будущего — его сознательное формирование. И, надо признать, что немалая заслуга в том, что события в мире после Великой рецессии до форс-мажора 2020 г. развивались все же не по наихудшему сценарию, принадлежит движущейся вперед по пути улучшения качества макропрогнозов и практических рекомендаций экономической науке, все более опирающейся не только на познание причинно-следственных связей в экономической системе, но и на бесспорные успехи в развертывании цифровой экономики.

Вторая: проблема временных лагов. Российская экономика (как, впрочем, в той или иной степени экономика любой другой страны) вполне может быть сравнима с тяжелым железнодорожным составом, который крайне сложно разогнать, но когда затем он набирает скорость и начинает обладать мощной силой инерции, сколько-нибудь быстро остановить его становится не менее затруднительно. Для этого придется изыскивать дополнительные ресурсы регулирования, да и времени потребуется немало. А за этот временной интервал неконтролируемая национальная экономика может пройти немалое расстояние. Лаги (от англ. lag — «запаздывание», «отставание») как временные разрывы между взаимосвязанными экономическими явлениями способны чрезвычайно усложнить механизм реализации государственной антициклической

политики. Крайне значимыми среди них, создающими наибольшие трудности для дискреционных решений фискальных и монетарных властей, являются:

1) внутренний лаг распознавания — временной отрезок, необходимый для обнаружения и осознания фактов перехода экономической конъюнктуры в качественно новое состояние. Он требуется для того, чтобы вооруженные многочисленными индикаторами экономической конъюнктуры — запаздывающими (уровень безработицы в стране, динамика реальной заработной платы), совпадающими (направление изменения общего уровня цен, ВВП, индекса промышленного производства) и, главное, опережающими (объем товарных запасов, заказов на строительство жилья, потребительские товары длительного пользования, машины и оборудование, биржевые индексы и др.), ученые смогли дать заключение о предстоящих или уже случившихся перепадах в общехозяйственном развитии. Для этого им опять-таки требуется собрать и обработать многообразную информацию о текущем состоянии конъюнктуры. Это важно и в медицине, где, по данным Всемирной организации здравоохранения, существует лаг (2—3 недели) между массовым заражением населения коронавирусом и всплеском летальных исходов. Но не менее важна максимально точная оценка протяженности этого лага в экономике, ведь хозяйственные болезни, как и болезни человеческие, намного легче лечить на начальной стадии. Особенно сложно это сделать в случае распространения во властных структурах упрощенных представлений, подобных тем, что наличие в распоряжении Минфина Фонда национального благосостояния и масштабность золотовалютных резервов, которыми располагает Банк России, способны якобы надежно защитить нашу страну от всевозможных кризисов, хотя глубокий кризис зачастую как раз и «выбирает» ту страну, власти которой исповедуют мифические ценности «экономики заначки» и тем самым подходят ее к фазе спада куда более ослабленной как экономически, так и социально.

2) внутренний лаг решения — промежуток времени, требующийся бюрократической машине для ее реакции на конъюнктурные сдвиги. Его длительность предопределяется не только высокой вероятностью разворачивания в «коридорах» власти ожесточенных споров о конкретных контурах того ответа на возникшие угрозы экономической безопасности страны, который был бы адекватен складывающейся ситуации. Нередко возникает острая необходимость дополнительной проверки, являются ли эти угрозы временными, самопроизвольно преходящими, или же для противодействия им требуются кардинальные стабилизационные меры. При этом если центральный банк, обладающий достаточной автономией от исполнительной власти, способен довольно оперативно сделать свой выбор о запуске того или иного набора монетарных инструментов (например, о запуске очередного раунда программы «количественного смягчения» в обстановке обозначающейся рецессии или об его сворачивании при возобновлении устойчивого экономического роста),

то реализация решений Минфина об изменении перечня налоговых льгот, запуске или отмене политики ускоренной амортизации, расширении или урезании соответствующих государственных расходов потребует, как минимум, нескольких месяцев, поскольку значительная часть всех этих новаций должна быть утверждена парламентом. Как доказывает мировая практика хозяйствования, одним из самых длительных лагов решения обладает запуск проектов общественных работ, у которых обычно имеется немало влиятельных оппонентов, обеспокоенных, например, опасностью расхищения выделенных бюджетных средств, и для которых (например, строительства скоростной автодороги «Москва—Казань») пролиберальный Минфин обычно слишком долго изыскивает необходимые средства. Впрочем, факт безусловного доминирования в нашей стране партии «Единая Россия» имеет хотя бы одно достоинство — заметно менее длительный период прохождения законопроектов через соответствующие парламентские процедуры.

3) внешний лаг воздействия представляет собой временной отрезок, за который тот или иной инструмент стабилизационной экономической политики обеспечивает реальный результат в виде сокращения масштабов безработицы, сокращения подоходного расслоения между богатыми и бедными россиянами, искоренения галопирующей инфляции и др. Конечно, для достижения тех или иных из этих макроэкономических целей требуется существенно различные промежутки времени. Например, используемая российским государством летом 2020 г. ежемесячная выплата семьям с детьми 10 тыс. руб. в расчете на каждого ребенка способна стремительно повлиять на потребительский спрос (хотя, не будучи адресной, четко нацеленной на наименее социально уязвимые российские семьи, она вполне может привести к росту сбережений или же покупке не столько отечественных, сколько, например, китайских товаров, например, смартфонов). А вот сокращение ставок подоходного налога скажется на потребительской активности населения не столь быстро, особенно если оно затронуло состоятельные семьи, отличающиеся невысокой склонностью к потреблению. Государственные инвестиции на поддержку приоритетных отраслей национальной экономики окупаются ускоренным ростом последней, ее структурной диверсификацией тоже далеко не мгновенно. И если фискальная политика похожа на русского человека, который, как известно, «долго запрягает, но быстро едет» (при длительности лага решения лаг ее воздействия довольно короткий), то монетарная политика, напротив, при оперативности принимаемых решений может не только затянуть с ожиданием обществom их позитивных результатов, но и вообще не привести ни к каким положительным сдвигам. Особенно это вероятно в обстановке глубокого кризиса, в преодолении которого вклад политики «дешевых денег», как отмечалось выше, вполне может оказаться не только мизерным, но и попросту нулевым. Не случайно, многие россияне сегодня удивляются немалому разрыву между

невысокой, находящейся на историческом минимуме ключевой ставкой Банка России и той рыночной ставкой процента за кредит, который они могут получить в многочисленных коммерческих банках. Да и в случае его получения той или иной отечественной компанией далеко не факт, что эти кредитные ресурсы будут направлены ими на чистые инвестиции, а не на погашение их прежних долгов другим банкам, пополнение оборотных средств, выплату задолженности по налогам, коммунальным платежам и другие цели, слабо коррелирующие с преодолением нынешнего коронакризиса.

Из-за существования проблемы временных лагов государственные антициклические меры зачастую принимаются уже после того, как рыночная экономика под влиянием стихийно действующего механизма саморегулирования уже самопроизвольно вышла на качественно иной этап своего циклического развития. В. Мау отмечает, что «современная рецессия длится обычно год, и отсутствие быстрых (и адекватных) мер по противодействию ей может запустить маховик ухудшения ситуации в течение длительного периода с переходом конъюнктурных (циклических) проблем в структурные» [18. С. 7]. Негативными следствиями такого запаздывания вполне могут стать как чрезмерное стимулирование экономики, находящейся и без этого в состоянии инфляционного «перегрева», так и усиление спада «остывающего» народнохозяйственного организма. Последнее может случиться, если серьезно запоздали со своей реализацией слишком долго разрабатываемые и реализуемые антиинфляционные действия властей. Получается, что стабилизационные меры вполне способны вызвать, напротив, радикальную дестабилизацию национального хозяйства.

И если реакцией экономистов неоклассической школы, сторонников пассивной экономической политики на существование проблемы временных лагов обычно является отказ от проведения постоянно «припоздняющейся» краткосрочной антициклической политики государства, то вывод кейнсианцев, отстаивающих ценности политики активной, качественно иной — принципиальная важность сокращения временной протяженности всех звеньев лаговой структуры, оперативности принятия назревших решений (применительно к фискальной политике), и урезания периода срабатывания соответствующих регулирующих механизмов (с особым обращением на сей счет к монетарным властям). Бездействие правительства и центрального банка при их слепой надежде на «невидимую руку» рынка способна слишком дорого обойтись национальной экономике, попадающей в таком случае в состояние шоковых потрясений самих ее фундаментальных устоев. Основное внимание уделяется при этом решительному переходу от политики «точной настройки», чью управленческую ценность временные лаги, действительно, ставят под большое сомнение, к альтернативной политике «строгих правил», для которой опора на целостную многозвенную совокупность встроенных стабилизаторов (прежде всего, на прогрессивную шкалу подоходного налогообложения

физических лиц и стабильное наращивание денежного предложения темпами, равными сумме предстоящего роста ВВП и ожидаемой инфляции) приводит ее внутренний лаг к нулю. А если к тому же подсистема прогнозирования начинает демонстрировать несомненные успехи, и под грядущие, допустим, сезонные, перепады конъюнктуры заблаговременно подводятся контрциклические меры (например, опережающим образом удешевляется кредит для сельхозпроизводителей), то этот лаг и вовсе превращается в отрицательную величину.

Третья: проблема оппортунизма политических лидеров. Оппортунистический (от лат. *opportunus* — «удобный», «выгодный») стиль поведения присущ тем политическим лидерам, которые при использовании мощных инструментов государственного регулирования экономики отчетливо преследуют не общественные, а свои собственные интересы. Используя тонкие формы коварства и обмана, сознательно искажая информацию о текущем состоянии экономической конъюнктуры, они четко нацелены на стабильное присвоение политической ренты. Вплоть до второй половины XX века в общественном сознании доминировало упрощенное представление о том, что во всяком политическом решении находит свое проявление искреннее желание властей повысить уровень и улучшить качество жизни населения. Еще с работ французского философа Жан-Жака Руссо, утверждавшего, что интересы личности и власти, по сути, идентичны, а потому функцией последней является реализация «общей воли», в теории доминировала концепция доброжелательного и даже благотворящего государства, всерьез нацеленного на достижение приоритетных общественных целей. Легковесно предполагалось, что любое государство, рассматриваемое в широком смысле, есть не только правительство, но и народ, проживающий на определенной территории, нужды которого по этой причине заведомо не могут быть безразличными властным структурам.

В противовес подобной традиционной концепции Дж. Бьюкенен (лауреат Нобелевской премии 1986 г.) и Г. Таллок в своей книге «Расчет согласия» (1962 г.) доказывали, что большим заблуждением является рассмотрение политиков как патриотично настроенных и всезнающих людей, чьи действия продиктованы исключительно потребностью обеспечения процветания национальной экономики. В качестве важнейшей задачи подавляющее большинство политиков усматривают привлечение на свою сторону как можно большего числа избирателей на ближайших выборах. И если для ее решения потребуется принятие совершенно абсурдных, но политически выгодных им и финансирующим избирательную кампанию оппортунистов крупным бизнес-структурам решений, то какие бы то ни было моральные ограничения в расчет обычно не принимаются. Как отмечал в своей книге 1964 г. «Одномерный человек» Герберт Маркузе, свободные выборы хозяев не упраздняют деление общества на хозяев и рабов. Не случайно Дж. Бьюкенен призывал экономистов-теоретиков перестать давать рекомендации в наивных надеждах на их

практическую реализацию якобы благожелательными к народу властями. В подавляющем большинстве случаев это попросту нереально из-за оппортунистического поведения политиков. Весьма характерен тот факт, что оппортунистическую стратегию чаще проводят не президенты, чей срок пребывания у власти обычно не столь велик, а парламентарии, которые могут находиться у власти чуть ли не пожизненно. Так, Стром Тэрмонд был представлен в сенате США в течение 48 лет. Как отмечают Е. Гурвич и А. Хазанов, в муниципальных округах Португалии численность занятых в бюджетном секторе искусственно расширяется незадолго до выборов и заметно сокращается после их проведения. «Данный эффект особенно заметен, когда в выборах участвует действующий мэр и партия, которую он представляет, имеет большинство в местном совете» [10. С. 31].

Известно, что как только президенту США Б. Обаме накануне выборов 2012 г. для ускорения роста ВВП и создания дополнительных рабочих мест потребовались невысокие цены на нефть, биржевые котировки последней покатались вниз под влиянием тех ограничительных коррективов в денежную эмиссию, которая внесла в этот период Федеральная резервная система. После же завершения избирательной кампании из-за сугубо оппортунистических, не имеющих серьезных экономических оснований решений нефтяные цены опять вполне предсказуемо подскочили.

Нынешние массовые протесты в США против расовой дискриминации наверняка режиссируются временно находящейся в оппозиции Демократической партией, не желающей более видеть в кресле президента Д. Трампа. Поэтому ему для продления своего пребывания в Белом доме по мере приближения к ноябрьским выборам приходится идти на потенциально проинфляционные решения по разбрасыванию по стране так называемых «вертолетных» денег, расширению финансирования здравоохранения, введению новых налоговых послаблений и грантов для бизнеса, выходу долларовой эмиссии со стороны ФРС далеко за рамки монетаристских правил. Конечно, сегодня, в условиях рекордного для последних десятилетий скачка безработицы в Соединенных Штатах (уровень которой по сей день выше 10%) подобное оппортунистическое поведение выглядит не столь опасным. Хотя нельзя не заметить, что в условиях шока предложения в этой стране, когда не работают многие рестораны и бары, остро стагнирует туризм, введен запрет на общественные мероприятия, рост потребительского спроса вполне может натолкнуться на ограниченное совокупное предложение с соответствующими инфляционными последствиями и резким падением курса доллара, препятствующим восстановлению национальной экономики. К тому же в случае кардинального улучшения коронавирусной, а значит, и хозяйственной ситуации в этой стране неизбежный ценовой всплеск и последующее ужесточение финансово-кредитной политики (особенно в случае прихода к власти оппозиционной партии

во главе с Д. Байденом, у которой для преодоления «тяжелого наследия» Д. Трампа будут развязаны руки) способны надолго перевести динамику ВВП в зону отрицательных значений.

В России в качестве наглядного примера оппортунистического поведения депутатов Государственной Думы и стоящих за многими из них олигархических групп выступает многолетний отказ вернуться от нынешней плоской шкалы подоходного налогообложения россиян к существовавшей в прошлом шкале прогрессивной, побудивший Президента РФ В. Путина к самостоятельному решению о повышении верхней планки такого налога с 13% хотя бы до 15%. Грядущие парламентские или президентские выборы обязательно сопряжены с теми или иными популистскими действиями фискальных властей безотносительно к тому, как это скажется на последующем ускорении инфляции. Тем самым правящая партия укрепляет свои политические позиции, а российская экономика вполне может оказаться в проигрыше.

О. Макшеева полагает, что «не существует мероприятий, способных полностью устранить причины оппортунистического поведения агентов, в том числе и представителей власти» [16. С. 14]. Однако все же некоторые подходы к нейтрализации угроз подобной беспринципности политиков в науке сформулированы. Так, сторонники неоклассической теории, считающие, что любая антициклическая политика в лучшем случае бесполезна, усматривают кардинальное решение проблемы оппортунизма политических лидеров в радикальном сокращении масштабов государственного участия в хозяйственной жизни. Они полагают, что несомненный акцент на рыночное саморегулирование национальной экономики по определению резко сокращает возможности представителей законодательной и исполнительной власти активно продвигать свои корыстные узкогрупповые интересы в ущерб тем или иным общенациональным целям и приоритетам. Представителям же кейнсианства выходом из столь непростой ситуации (как, впрочем, и способом разрешения проблем ошибок прогнозирования и временных лагов) видится решительный переход от широко применяемой в современной России дискреционной экономической политики (так называемого «ручного управления»), которая, развязывая руки политикам, является насквозь коррупционной, сопряженной с ошибочным прогнозированием и длительной задержкой как в принятии, так и в реализации тех или иных решений, к гораздо более привлекательной политике автоматической, которая резко ограничивает возможности чиновников совершать выгодные только им шаги, так или иначе «связывает им руки».

Проведенный анализ проблем, связанных с задействованием государственной стабилизационной политики, показывает, что, используя в 2020 г. ее действенные инструменты, российское правительство, Банк России, так же как фискальные и монетарные органы других стран, должны всегда не упускать из виду принципиальную возможность получения довольно противоречивых

результатов своего регулирования. Не следует упрощенно полагать, что для разрешения любой макроэкономической проблемы (сегодня это глобальная проблема преодоления последствий «коронакризиса») может быть сознательно сформирован некий идеальный механизм, способный оперативно отправить ее в прошлое без каких бы то ни было негативных побочных эффектов. Антициклическая политика даже самого идеального государства, которое, впрочем, не существует сегодня и, видимо, не будет существовать никогда, заведомо не может быть признана сколько-нибудь безупречной. Однако мы убеждены, что при грамотном использовании апробированных мировой хозяйственной практикой орудий государственного регулирования макроэкономические достоинства стабилизационного сглаживания экономической конъюнктуры способны существенно превзойти вполне вероятные при этом провалы.

Литература

1. Автономов В.С. Экономическая теория до и после великой рецессии // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 58–64.
2. Бондаренко В.М. Новый взгляд на проблему кризисов, прогнозов и экономического роста // Теоретическая экономика. 2016. № 6. С. 21–36.
3. Букина И.С., Маневич В.Е. Кредитно-денежная и финансовая система России в 2015 году и в первом полугодии 2016 года: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. 38 с.
4. Бурлачков В. Проблема прогнозируемости экономической системы: теоретические аспекты // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 136–142.
5. Глазьев С.Ю. О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов» (особое мнение члена национального финансового совета) // Российский экономический журнал. 2018. № 6. С. 3–26.
6. Глазьев С. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124–135.
7. Глазьев С., Чистилин Д. Куда пойдет Россия? (Анализ предложенных программ социально-экономического развития страны) // Российский экономический журнал. 2017. № 4. С. 36–48.
8. Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 31–55.
9. Гурвич Е., Соколов И. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 5–29.
10. Гурвич Е., Хазанов А. Занятость в российском бюджетном секторе: значимы социальные или экономические факторы? // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 28–56.
11. Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В. Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125–141.
12. Идрисов Г., Мау В., Божечкова А. В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23.
13. Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологическое наблюдение // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110–128.
14. Косенков К., Гусев М. Анализ ошибок краткосрочных прогнозов // Экономист. 2015. № 12. С. 31–47.

15. *Либман А.М.* Эмпирические исследования в экономике: «революция достоверности»? // Куда движется современная экономическая наука? Научные доклады. М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 34–52.
16. *Макшеева О.А.* Опportunистическое поведение представителей власти // Известия ИГЭА. 2009. № 3. С. 13–15.
17. *Мау В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 4–23.
18. *Мау В.* Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
19. *Миронов В.В.* О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5–35.
20. *Пороховский А.* Политическая экономия: современные вызовы и перспективы // Экономист. 2011. № 1. С. 55–67.
21. *Рязанов В.Т.* Кейнсианская экономическая теория и политики: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 3–26.

S. Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Economics
of Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

COUNTERCYCLICAL REGULATION OF RUSSIAN ECONOMY: CONTENT, INSTRUMENTS, ISSUES AND POTENTIAL RESOLUTIONS

The article discusses the content, goals and instruments of the state countercyclical policy, the pros and cons of fiscal and monetary expansion (restriction), the author presents a comparative analysis of the effectiveness of stabilization measures of the government and the central bank during various phases of the business cycle. Considering errors of forecasting, time lags and opportunistic behavior of political leaders as the main problems hindering the achievement of the goals of discretionary economic policy, the author identifies alternative approaches to solving these problems by leading scientific schools.

Keywords: stabilizing fiscal and monetary policy; expansion, restriction; forecasting errors; time lags; opportunism; discretionary and automated policy.

DOI: 10.31857/S020736760011344-7